

В. А. Зверев

САМОХОДЫ ИЗ РАСЕИ: КРЕСТЬЯНЕ В ЭПОХУ МАССОВЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Опубликовано: *Зверев, Владимир*. Самоходы из Расеи : крестьяне в эпоху массовых переселений / Владимир Зверев // Родина : российский исторический иллюстрированный журнал. – 2000. – № 5 : Земля Сибирь. – С. 127–129.

В период 1883–1914 года аграрные переселения являлись самыми массовыми за всю досоветскую эпоху. Тогда в Сибирь и на Дальний Восток из Европейской России перебралось 3,5 млн человек. Только за счет механического прироста население восточных регионов увеличилось более чем в два раза.

Переселенцы в пути

В дорогу идти — пятеры лапти сплести

Материалы Всероссийской переписи населения 1897 года и земских статистических обследований, данные регистрации переселенческого движения на восточных границах Европейской России показывают, что в «законном порядке» начинали переселение бóльшие, чем среднестатистические семьи. В 1897–1900 годах семьи, получившие разрешение на выезд из Полтавской губернии, состояли в среднем из 8,7 человека, а оставшиеся на родине — 5,8 души¹. Причем мужчины в первых преобладали.

Эта ситуация объяснялась общественными отношениями, которые господствовали в сельском хозяйстве Европейской России. Надельный фонд и фонд земли, доступной для

¹ Переселение из Полтавской губернии с 1861 по 1 января 1901 г. Полтава, 1900. Вып. 1. С. 38, 236; 1902.

покупки, были ограничены, аренда же помещичьей земли практиковалась часто на кабальных условиях. Поэтому во многих крестьянских хозяйствах имелось большое количество работников, которым негде было приложить руки. Подрастали новые поколения. Разрешить эту проблему могло только переселение.

Характерны рассуждения одного пожилого переселенца, записанные в 1888 году: «Семьяные все идем ведь, семьяные. Сам знаешь, барин, одинокому зачем идтить: ему не для кого стараться, а наш брат — семьяный — всячески должен о детях заботу иметь, для них пропитание припаси, чтобы жить потом могли. Наш брат-мужик работы не бегаёт, ему работы сколько хошь подавай, лишь бы хлеб был, а его-то у нас и нет, потому земли всего четверть тридцатки на душу во всех полях. Над чем же они — ребята-то наши — пахать будут, как подрастут, чего они есть будут? Нас же ведь укорят, зачем земли не припасли...»².

Бессемейные одиночки в общем числе мигрирующего в Азиатскую Россию населения составили только 5 процентов³.

Поскольку администрация часто не разрешала переселение «малодушных» семей, последние иногда «сообщались» по две-три. Соединялись в реальные договорные или же фиктивные семьи обычно братья или другие близкие родственники, жившие перед переселением в разделе. Впрочем, мигрирующей ячейке важно было обеспечить не столько большие размеры, сколько благоприятное соотношение трех возрастных категорий домохозяев: работников зрелого возраста, потенциальных работников — старших детей и подростков, а также «непроизводительной» части семьи — маленьких детей и стариков. Поэтому в ходе подготовки к переезду домохозяева всячески стремились избавиться от последних. Девушек старались выдать замуж. «К чему девку везти, когда она не сегодня завтра все равно выскочит замуж», — рассуждали в таких случаях⁴. У родственников иногда оставляли стариков, а также больных, увечных членов двора — брать их с собой в дорогу решались лишь достаточно зажиточные хозяева. Впрочем, и сами престарелые люди, особенно женщины, крайне неохотно расставались с родными местами, предпочитая «умереть на родине». При возможности старались оставить на время «у своих» и малолетних детей.

«Таким образом, переселяются в Сибирь семьи, состав которых позволяет домохозяйствам надеяться на то, что через некоторое время по прибытию в Сибирь у них будет достаточное число рабочих...» — отмечали статистики⁵.

Преобладание мужчин в переселенческих семьях объясняется, прежде всего, тем, что

Вып. 2. С. 96.

² Восточное обозрение. 1888. 14 августа.

³ Подсчитано по: Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. Пг., 1916. С. 26, 42.

⁴ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. С. 66.

именно они («земельные души», «бойцы») должны были получить земельные участки из переселенческого фонда или из владений старожильческих общин. И, конечно же, семьям с преобладанием «мужского полка» было легче осилить тяготы переселения и обживания на далекой окраине.

Женщины, эмоционально сильнее привязанные к дому, родным и знакомым, опасавшиеся за жизнь и здоровье детей, с трудом склонялись к дальней дороге и отговаривали мужей. Очевидец писал в дневнике (1888 г.): «Нам не раз пришлось быть невольными свидетелями тяжелых сцен, как бабы (вообще неохотно покидающие родные гнезда и относящиеся крайне скептически к разного рода переселениям) при каждой неудаче или беде набрасывались на своих мужиков, осыпая их упреками и укорами самого тяжелого свойства: “На голодную смерть нас ведете! Дома-то маялись, да все жили, а теперь-то вон: ребятишкам и кусать нечего!”»⁶.

По данным массового обследования, проведенного в 1911–1913 годах в Томской губернии, в момент отъезда из Европейской России здешние приписанные новоселы имели в семьях в среднем 3,3 мужчины и только 3,0 женщины.

Ночлег партии переселенцев

Все сказанное выше относится в основном к тем, кто искал возможность мигрировать «законным» способом, получив разрешение и полагавшиеся льготы и ссуды. Семейные ячейки самовольных переселенцев выглядели компактными (около пяти человек) и наиболее трудоспособными.

⁶ Переселение из Полтавской губернии... Вып. 2. С. 99.

непомерно высокой даже в годы Столыпинской аграрной реформы.

Впрочем, переселенцы и сами искали способы сохранить здоровье «домашних» во время переезда. Например, иногда семьи перебирались на новые места частями. Регистрация 1897 года на Челябинском переселенческом пункте показала, что 31 процент семей мигрантов прошел в неполном составе. Мужчины нередко выезжали в Сибирь заранее: «на разгляды», для улаживания квартирных дел и посева хлебов на первую зиму. Отправляясь в путь, крестьяне старались выбрать такое время и маршруты, чтобы до зимы успеть не только определиться с жильем, но и посеять яровые или озимые. В дорогу пускались группами, состоящими из родственников, односельчан, чтобы в случае необходимости поддержать друг друга.

Немалое число крестьян обращалось на переселенческих, врачебно-питательных и медицинских пунктах к врачам. Однако помощь на пунктах далеко не всегда была бесплатной, в городских же лечебницах обязательно требовали расчета, поэтому даже при тяжелых заболеваниях переселенцы неохотно ложились в больницу. Если ребенок все же попадал в больницу, некоторые семьи продолжали путь без него. В безвыходных ситуациях оставляли по дороге и здоровых детей. Надеялись на судьбу: «Это – Божьи дети, которых кто-нибудь выкормит». Маленьких отдавали на усыновление, старших – в наем, и не чаяли, «приведет ли Бог увидеться до гроба».

Наблюдая, как переселенцы «бросают в пути, скрывают больных от врачей (бывало, ребенка на пункте отправки проносили в вагон или на пароход в мешке, как контрабанду), некоторые очевидцы делали категорический вывод о темноте, беспечности, даже бесчувственности крестьян к детским страданиям и смерти. Такое мнение верно лишь отчасти. Можно согласиться с Н. М. Ядринцевым, когда он пишет: «Трудно видеть здесь бессердечие и бесчувственность. Матери очень горько оставлять больное дитя, но страшная необходимость и интересы других членов семьи, может быть, их спасение требуют идти и оставить на жертву одного»⁸. Многие из оставленных в пути больных детей умирали. Выздоровевших усыновляли местные обыватели или отправляли в сиротские приюты.

Не хвались отъездом, хвались приездом

Источники и литература рисуют яркие картины бедствий переселенцев, по крайней мере, в первые годы устройства в Сибири. Неблагоприятные социальные и бытовые условия, экологическая неприспособленность, тяжелая работа от зари до зари подрывали здоровье.

По данным обследования в 1903–1904 годах более двух сотен переселенческих поселков в Акмолинской области, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, 81

⁸ Ядринцев Н. М. Переселенческие семьи и дети // Путь-дорога. С. 65–66.

Тело доведу, а за душу не ручаюсь

Тех, кто решился на переезд, ждали многочисленные испытания. Большинство мигрантов не имели достаточных средств, чтобы обеспечить себе комфортные условия на время переезда. Скудность людей на переселенческих пунктах, в железнодорожных вагонах, на палубах пароходов приводила к вспышкам эпидемий, которые уносили в могилу, прежде всего, самых слабых – малых детей, стариков, беременных женщин.

Начиная с 1883 года, по отчетам врачебных управ и губернаторов, прослеживается распространение по Сибири переселенцами возвратного, брюшного и сыпного тифа, холеры, сифилиса и «прочей заразы». Желудочно-кишечные заболевания кое-где получили название «переселенческой болезни». Редкая партия переселенцев не привозила с собой на очередную стоянку по несколько «челяденков», умерших в дороге от «кравового поноса».

Дети переселенцев

По оценкам медиков, в 1883-м – начале 1890-х годов в переселенческих партиях серьезно болел каждый четвертый или пятый, каждый десятый зарегистрированный больной умирал в пути. «Если вообразить себе какую-либо местность с подобною заболеваемостью и смертностью в поселениях, то нужно признать, что ей грозит очень быстрое вымирание», — отмечал общественный деятель и публицист Н. М. Ядринцев⁷. Некоторые семьи и даже целые партии в пути «ополовинивались», а то и полностью вымирали.

В конце XIX — начале XX века передвижение на восток облегчилось в связи с постройкой Транссибирской железной дороги, устройством врачебно-питательных пунктов и оказанием материальной помощи мигрантам. Тем не менее, смертность в пути оставалась

⁶ Восточное обозрение. 1889. 21 мая.

⁷ Ядринцев Н. М. Вопросы переселения и настоятельные нужды переселенческого дела // Путь-дорога: Науч.-лит. сб. СПб., 1893. С. 587.

процент всех умерших на новом месте составляли дети в возрасте до 10 лет. В первый год по прибытии на каждые 100 умерших родилось лишь 64 человека⁹. При этом и общая, и детская смертность были выше, чем у крестьян-старожилов. Это можно объяснить только условиями жизни семей, оказавшихся не в силах прокормить и сберечь здорового ребенка. По мере обустройства в Сибири заболеваемость и смертность в переселенческом населении сокращалась.

Переселенческие семьи являлись главным источником рабочей силы на рынке труда в сельской местности Сибири. Наряду со взрослыми работниками в наем отдавали и малолеток, причем зачастую только лишь «из хлеба» (за питание). Если не удавалось отдать детей зимой на проживание и работу в более зажиточные хозяйства, бедноте приходилось иногда кормить их «Христовым именем» — подаванием добрых людей.

«Большесемейность» переселенцев при устройстве в Сибири была, конечно, источником дополнительных трудностей. Однако, чуть окрепнув, подростки начинали приносить в дом дополнительный заработок, становились серьезным подспорьем в отцовском дворе.

Семья сибирских крестьян-переселенцев

Новоселы стремились хотя бы на первых порах предотвратить семейные разделы. Общими силами легче было вести расчистку участка, зарабатывать средства и воспитывать детей. Если же своей рабочей силы не хватало, зажиточные хозяйства нанимали батраков. Некоторые трудовые операции выполнялись супругой или помочью — совместными усилиями членов нескольких дворов. Изредка создавали и сложные (составные, договорные) хозяйства из двух-трех семей.

Многие писала письма на родину («на старину»), убеждая оставшихся там сестер, теток,

⁹ Подсчитано по: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905. Ч. 1. С. 18–19, 52–53, 64–65, 98–101.

племянников переехать к ним. Обзаведясь хозяйством, старались поскорее женить своих подросших сыновей, чтобы иметь в доме побольше молодой женской рабочей силы.

Однако разрастание семей переселенцев сдерживало установленное в 1896 году властями правило, согласно которому прирост числа мужчин (тем более женщин) в семье в период после зачисления ее на участок не давал права на увеличение земельных долей.

Живая кость мясом обрастает

Уже к концу прошлого XIX века выявились яркие особенности переселенческих дворов разных категорий на востоке страны: относительно большая людность их у приписанных новоселов, малая — у неприписанных. Поскольку приписанные имели численное преобладание, в среднем переселенческое хозяйство было заметно крупнее старожильского. В момент обследования 1911–1913 годов переселенческий двор в Томской губернии был больше старожильского на 0,4 человека, насчитывая в среднем 6,2 души. Со временем удельный вес переселенческих дворов в населении Сибири становился все больше.

Еще одна черта переселенческих дворов — численное преобладание мужчин. Дефицит женского населения сохранялся в переселенческой среде до самой Первой мировой войны.

Переселенческое население Сибири было в целом более молодым и трудоспособным, чем старожильское. По данным обследования в 1911–1913 годах в Томской губернии, на 100 физически здоровых мужчин рабочего возраста в приписном переселенческом населении приходилось 452 других члена домохозяйства («едока»), в неприписном — даже 439, в то время как в старожильском — 466 человек.

Высокий уровень брачности (переселялись в основном семейные, молодых женили при первой возможности), молодой и физически здоровый состав населения обуславливали высокую рождаемость. Среди переселенцев были выходцы из многих местностей. Смешанные браки давали многочисленное и жизнестойкое потомство.

В итоге широкое обследование переселенческих поселков во всех губерниях и областях региона показало, что в 1906–1912 годах среднегодовой естественный прирост жителей составлял в среде новоселов около 25–30 промилле¹⁰. Подобные показатели были в 1,5–2 раза выше, чем по России в целом.

¹⁰ Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.